

ПАМЯТЬ

Как страшно было на войне!

В 1943 году Клавдии Дуниной было пятнадцать, когда она добровольцем ушла на фронт

МАРТА ТОНОВА
mail-ps@mail.ru

Была она росточком махонькая, духом крепкая. В составе 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта, 27-й артиллерийской дивизии, 382-го гаубичного артполка, 74-й гаубичной бригады прошла юная Клавдия Дунина от военных Великих Лук до победных салютов в Риге. Сегодня ей 92, и не влюбиться в эту озорную, веселую, открытую женщину просто невозможно. И мы влюбились. И в горькую, гордую память молоденькой санитарочки, которая выносила раненых с поля боя. И в ее сегодняшние иконы из тончайшей мозаики, которые Клавдия Федоровна в свои 92 творит верой, теплом и любовью.

Обыкновенный день

– Клавдия Федоровна, как началась для вас война?

– Совсем обыкновенный день был у нас в Калинин. Мы все в школе. Обычные уроки. И вдруг – бомбежка. Услышали мы страшные взрывы и...

– Испугались?

– Да нет, не испугались. Мы ж детвора, нам все интересно было. Конечно, сразу побежали посмотреть. И увидели разрушенный фашистской бомбой дом. Так начиналась война. Потом наша семья эвакуировалась, потому что немец подпирал. Прошла зима. А когда весной мы вернулись из эвакуации, нашего дома тоже уже не было. Сгорел. Поселили нас, три семьи, в одной небольшой комнате. Так и стали жить. Папа на фронт ушел еще до эвакуации. За ним и старший брат. Сначала его в училище приняли, а оттуда сразу на фронт. А потом и старшая сестра. А как же я? Почему я дома с мамой и младшим братиком? Я тоже должна была пойти воевать.

– Мамина надежда, школьная хорошистка, послушная девочка и – на фронт?

– Ну, откровенно говоря, не совсем послушной я была. Могла запросто и подраться с мальчишками. А училась действительно неплохо. Помню, однажды в третьем классе за хорошую учебу мне даже билет бесплатно на какой-то концерт давали. После эвакуации мы, конечно, и учились, и мучились. На площади, в центре города, немцы кресты противотанковые вкопали. И вот наши взрослые их

Клавдия Федоровна: «Я маме записку написала: «Мамочка, ухожу на фронт. Не беспокойся. Я все обдумала».

раскапывали, а мы этих «железных немцев», бывало, веревками обвяжем и тянем к машинам. Я прекрасно помню эту площадь до войны. Памятник Ленину и Сталину с газетой «Правда» в руках. Остались только руины.

Повестка

– Клавдия Федоровна, а как вы на фронт попали? Мало-мало ведь лет было.

– Я к тому времени окончила курсы Красного Креста и Красного Полумесяца. Правда, на них учили только перевязывать и уколы делать, больше ничему. Пришла в военкомат. Там спросили, сколько мне лет, и я сразу целых три года себе прибавила. «Восемнадцать», – говорю. Мне поверили. Только паспорт попросили. А какой у меня паспорт в 15 лет? Я и говорю – мол, на базаре была, продукты покупала, там у меня паспорт вытащили.

– Опять поверили?

– Поверили. Сказали ждать повестку. И через несколько дней повестка пришла. Мама была на работе. А я быстренько собралась, братику младшему наказала, чтоб он маме все объяснил, если она плакать будет. – А маму не жалко было оставлять?

– Я маме записку написала: «Мамочка, ухожу на фронт. Не беспокойся. Я все обдумала».

“

И вдруг перед танками выбегает вперед девочка. Лет 10-11. Бежит и какой-то красный тряпочкой – может, пионерским галстуком – машет. Остановились танки. Девчонка кричит: «Не стреляйте, дяденьки, там наши! Наши!»

– Все обдумала девочка с косичками...

– Косички мне пришлось остричь, конечно...

– И форму сразу выдали?

– Выдали. Но я же маленькая. Дали мне сразу шинель до пят и подшлемник трикотажный. Ну, потом переодели, конечно. И сначала направили в фронтовой госпиталь. Там долго раненых не держат. Перевязывают, делают уколы и отправляют дальше в тыл, в прифронтовые госпитали. Вот однажды так я отвезла раненых, сдала их, получила для своего госпиталя муку и поехала назад. Нас было девять машин. Я, как обычно, ехала в последней. Потому что, если что с ранеными, машина останавливается и я, санинструктор, тут как тут. Так однажды и получилось, что все наши уехали, а моя маши-

на опять остановилась. И ее обстреляли. Слава богу, ни меня, ни водителя не ранили. Но на искореженной машине ехать уже было невозможно. Тогда взяли нас в 27-ю дивизию, которая шла мимо нас. Но шла она уже не в тыл, куда я возвращалась тогда, а на передовую. Так я оказалась на фронте.

– Тоненькая, хрупкая девочка выносила раненых с поля боя...

– Выносила. Иногда приговаривала: «Что ж ты такой тяжелый, солдатик?» Он через силу улыбался: «И что ж я такой тяжелый, правда?» Иногда тащишь бойца на плащ-палатке, иногда – за край шинели. Слезы сами собой текут от бессилия... Всякое бывало.

Хоронить своих

– Страшно было на фронте?

– Страшно. Очень страшно. Не верьте тем, кто говорил, что не страшно. Правда, мне по молодости лет еще и интересно все было. Но вот первые раненые на поле боя – это очень трудно. Я тут недавно встречалась с ребятами в детском доме, они спросили меня, что самое страшное на войне? Я ответила – хоронить своих. Это правда самое страшное, когда твоих ребят хоронят. Но еще страшнее, когда ты солдатика перевязываешь, а он у тебя прямо на руках умирает. Вот столько лет с войны прошло, а я одного раненого до сих пор забыть не могу. Перевязываю его, а он смотрит на меня и говорит: «Почелуй меня, сестричка. Меня еще девочки ни разу не целовали...» Наклонилась я к нему, хотела поцеловать, смотрю, а он уже мертвый. Начинаю сейчас

рассказывать об этом, и сердце сжимается.

– Простите, что спрашиваю, но так хочется, чтобы люди об этом знали.

– А хочешь, еще один случай расскажу?

– Очень хочу...

– Вот на фотографиях наш начальник медпункта, Константин Андреевич. Мой будущий муж. Спустя 30 лет после Победы нас с ним пригласили в Красный городок, который мы когда-то освобождали. Ах, как нас там встречали! И хлебом-солью, и костер большой разожгли, и столы для нас с угощениями накрыли. И пели, и вспоминали. И вспоминали тот случай, который я тоже забыть не могу. Машины наши проехали вперед, а немцы сзади нас оказались. Мы уже в лесок вошли, почти укрылись. И тут наши танки начали в фашистов стрелять.

– А вы оказались между ними?

– В этом и вся история. Стреляют танки, получается, в наши машины. И вдруг перед танками выбегает вперед девочка. Лет 10-11. Бежит и какой-то красный тряпочкой – может, пионерским галстуком – машет. Остановились танки. Девчонка кричит: «Не стреляйте, дяденьки, там наши! Наши!» Сколько же жизней она сохранила, сколько людей спасла. И вот на той встрече после войны, когда вспомнили об этой Вале, в зале поднимается красивая женщина и говорит: «Это я. Я та самая Валя». Мы все бросились ее обнимать, благодарить, расспрашивать. Оказалось, что она в те годы жила с бабушкой. Маму ее фашисты расстреляли за помощь партизанам. И вот бабушка ей говорит: «Я не добеги – ты беги, останови».

Без гармонии никак

– Клавдия Федоровна, а тихие вечера на войне бывали?

– Бывали. Особенно когда наших били. Приходили на смену убитым новые ребята. Тогда нас отводили на пару дней, и мы стояли. Вот тебе и тихие вечера.

– Чем занимались в такие дни?

– Письма писали, мыслили, а еще танцевали. Всегда находился кто-нибудь, кто на гармошке играл. Я так любила танцевать!

– А где Победу встретили?

– Под Ригой. Я ездил в Лугу, там раненых сдала и возвращалась в часть. А наши машины по вечерам фары закрывали, чтобы нас было не видно. Вдруг так светло стало, так шумно. Мы остановились. Смотрим, все фары включили, солдаты ракеты пускают, поют, пляшут, плачут. Говорят, что война окончилась.

Кстати

●● Клавдия Федоровна Дунина награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией 1941-1945 гг.», «100 лет Красной Армии», медалью Жукова, нагрудными знаками «Фронтовик 1941-1945 гг.» и «10-я гвардейская армия», всеми юбилейными медалями.

Тел. 51-06-45

Есть вопросы?
Звоните в редакцию.